

УДК 321.01.34

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ В XVIII–XX ВЕКАХ

Ф.А. Вестов

Саратовский государственный университет
E-mail: jurid@info.sgu.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования различных политико-правовых представлений о власти, а также сделана попытка определить их разработанность в XVIII–XX веках.

Ключевые слова: политика, власть, общество, право.

Some Aspects of Political and Legal Representations about Power in XVIII–XX Centuries

F.A. Vestov

The paper deals with questions of the formation of political and legal representations about power, depending on what politico-legal school the representative of a considered doctrine belongs to. The work tries to estimate the degree of development of the politico-legal representations about power in the XVIII–XX centuries.

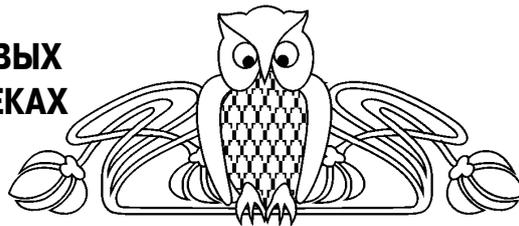
Key words: politics, power, society, law.

Вопрос о государственной власти, пронизывающей собой всю социальную жизнь¹, вот уже более 200 лет пытаются решить многие государственоведы и юристы. Еще основатель юридической школы государственного права Ц.Ф. Гербер утверждал, что «государственное право есть учение о государственной власти»². Даже сам термин «правовое государство», появившийся в первой трети XIX века³, стал отправной точкой в обсуждении роли власти в таком государстве. Так, например, по словам А.С. Алексеева, современное государство есть организация не личного, а общественного господства⁴.

Чтобы понять феномен власти в правовом государстве, прежде всего, следует рассмотреть власть как таковую, как силу, способную организовать, интегрировать, управлять, как средство для достижения поставленных обществом целей и т. д. и т. п.

Как справедливо отметили А. Тулеев и Ю. Сыроватский, сила власти настолько велика, что она «завораживает и пугает, притягивает и отталкивает, награждает и наказывает, несет добро и жестокость, справедливость и попирает прав, вызывает восторг и ненависть»⁵. Ее даже сравнивают с божественным проведением.

Определить понятие власти не просто. На сложность проблемы указывают многие авторы. Так, по словам Т. Бола, «власть – слово, которое слышишь повсюду. Мы часто пользуемся им, не особенно задумываясь над его смыслом. Однако при ближайшем рассмотрении содержание этого понятия оказывается особенно проблематичным»⁶. Власть «стала одним из наиболее дебаты-

руемых и оспариваемых понятий»⁷, – писал Дж. Скотт. М. Фуко говорил о власти как о великом неизвестном⁸.

В свою очередь, сложность проблемы породила многообразие подходов к понятию власти. Так, например, английский философ, родоначальник английского материализма Ф. Бэкон, учение которого сложилось в атмосфере общего научного и культурного подъема стран Европы, ставших на путь капиталистического развития, освобождения науки от схоластических пут церковной догматики⁹, считал, что истинная власть заключается в познании, в науке. Основной идеей Ф. Бэкона, согласно которой «знание есть сила», является то, что наука – это средство достижения власти, прежде всего власти над природой, но не только над ней. «...Рассмотрим, – пишет он, – можно ли найти где-нибудь такое могущество и такую власть, какой образование наделяет и с помощью которой возвеличивает человеческую природу. Мы видим, что уважение к власти зависит от достоинства того, над кем властвуют. Так, власть над животными и скотом, какой обладают волопасы или овчары, не имеет никакого значения; власть над детьми, которой обладают школьные учителя, не слишком уважаема; власть над рабами скорее позорна, чем почетна, и не намного лучше власть тиранов над народом, доведенным до рабского состояния... Почет приятнее в свободных монархиях и республиках, чем под властью тиранов...»¹⁰. Наука развивает и приумножает благосостояние и богатство общества и отдельных лиц, «но власть науки намного выше, чем власть над волей, хотя бы и свободной и ничем не связанной. Ведь она господствует над рассудком, верой и даже над самим разумом, который является важнейшей частью души и управляет самой волей. Ведь на земле, конечно, нет никакой иной силы, кроме науки и знания, которая бы могла утвердить свою верховную власть над духом и душами людей, над их мыслями и представлениями, над их волей и верой... справедливое и законное господство над умами людей, упроченное самой очевидностью и сладостной рекомендацией истины, конечно же, скорее всего, может быть уподоблено божественному могуществу»¹¹. Ф. Бэкон считал, что «два человеческих стремления – к знанию и могуществу – поистине совпадают в одном и том же»¹². Посредством науки человек может повелевать природой, подчинять ее, т. е. «власть человека над

вещами заключается в одних лишь искусствах и науках». «Тот, кто поймет до конца природу человека... тот рожден для власти»¹³.

С целью управления обществом, для власти над людьми Ф. Бэкон предложил создать науку о человеческой природе. В виде аргумента, он приводит интерпретацию мифа о Сфинксе.

В целом Ф. Бэкон был убежден, что истинная власть заключается в знании, которое способно дать человеку божественное могущество, сделать его не мнимым богом, как лжепророки, а богом истинным.

Последователь Ф. Бекона, английский философ-материалист Т. Гоббс¹⁴, делая акцент на важность методологии в научном познании, понимал власть как средство достичь блага в будущем. При этом он считал, что сама жизнь есть вечное и неустанное стремление к власти, прекращающееся лишь со смертью¹⁵. Т. Гоббс отвергал тезис Аристотеля, что человек есть общественное животное и не может жить вне общения. Он был убежден, что люди не испытывают никакого удовольствия от жизни в обществе и заставить людей жить вместе и в мире друг с другом способна¹⁶ только верховная власть, держащая всех в подчинении. По словам Т. Гоббса, «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех»¹⁷.

Несколько по-иному подходил к понятию власти немецкий социолог, историк, экономист и юрист М. Вебер (Weber)¹⁸. М. Вебер был первым европейским социологом, который осознал фундаментальность феномена власти. М. Вебер отождествлял господство с властью. Он считал, что господство предполагает взаимное ожидание: того, кто приказывает, что его приказу будут повиноваться, а тех, кто повинуются, что приказ будет исполнен. В этом заключается, согласно М. Веберу, социальная природа господства, т.е. власти. Он вычленяет три типа господства. Первый тип господства – легальное господство, в основе которого лежит целерациональное действие. Оно подчиняется юридическим законам, формально-правовому началу. Данный тип господства осуществляет слой бюрократии, который для М. Вебера является выразителем компетентности руководства и рациональности управления. Второй тип господства – традиционное господство, основанное на вере в священность и законность издревле существующих порядков. Этот тип господства подразделяется им на два вида – патриархальное и сословное. Для патриархального вида господства характерно то, что начальник совпадает с господином, подчиненные с подданными и слугами. Для сословного вида господства характерно то, что господствующий и подчиненный слои представляют собой сословия со своими привилегиями и возможностями. Ведущие характеристики этого типа господства

состоят в том, что господствующее сословие обладает привилегией на господство. Третий тип господства – харизматическое господство, которое основывается на экстраординарных способностях человека, пришедшего к власти – его пророческом даре, силе духа и слова¹⁹.

С одной стороны, достоинством концепции М. Вебера можно считать отождествление власти с господством. С другой – в этом отождествлении состоит один из изъянов его концепции, поскольку оно им не обоснованно и не оправдано²⁰.

Интересен взгляд на проблему власти представителей теории социального обмена. Так, американский социолог Дж. Хоманс феномен власти объяснял принципом наименьшего интереса: тот, кто наименее заинтересован в обмене, обладает большей способностью диктовать его условия, что приводит к несимметричному обмену и властным отношениям²¹.

Другой представитель данного направления, П. Блау, в труде «Обмен и власть в социальной жизни»²² изложил свою теорию как своеобразный синтез бихевиористического и структурно-функционального подходов. Согласно П. Блау, социальный обмен лежит в основе взаимодействия статуса и власти и возникновения различий между ними в случае неэквивалентного (несимметричного) обмена. Дифференциация статуса и власти ведет к формированию социальной организации и ее легитимации – признанию всеми участниками обмена, основанного на культурных ценностях. Обмен не лежит в основе ценностей, а следовательно, не объясняет феномен власти целиком. Легитимация и организация усугубляют неравенство, создавая структурные предпосылки социального изменения²³. П. Блау сформулировал понятие власти как «способность одного индивида или группы осуществлять свою волю в отношении других – либо через страх, либо отказывая в обычных вознаграждениях, либо в форме наказания и вопреки неизбежному сопротивлению»²⁴. По мнению И.Л. Петрухина, данное определение, при всех его положительных сторонах, «можно было бы дополнить указанием на то, что орудием власти является не только воля, но и интеллект; что власть – это инструмент социального управления, осуществляемого на основе информативных процессов; что власть – это не только “способность”, но и реальность властвования; что власть может действовать не только методом принуждения, но и убеждением, авторитетом»²⁵.

Несколько иначе объяснил феномен власти С. Лукс²⁶. Критикуя «одномерную» теорию Р. Дала²⁷ и «двухмерную» теорию П. Бахраха и М. Баратца²⁸, С. Лукс выдвигает собственную «трехмерную» теорию власти, исследование которой было продолжено некоторыми авторами в последующем²⁹.

В основе идеи власти у С. Лукса лежит весьма простая посылка: один индивид каким-то образом

воздействует на другого³⁰. Однако не всякое воздействие можно считать применением власти. Мы ежедневно оказываем на кого-нибудь множество видов воздействия, но далеко не все из них можно отнести к проявлению власти. С. Лукс полагает, что власть – не просто обыденное, а морально значимое или нетривиальное действие. Но по какому критерию можно отличить тривиальное действие от нетривиального? С. Лукс отвечает, что проявить свою власть по отношению к кому-то – значит затронуть его интересы, а точнее говоря, пойти против его воли, покуситься на его автономность³¹.

После опубликования работ С. Лукса его теория была подвергнута критике³². В основном С. Лукса критиковали за его определение власти в той части, где он говорит о покушении на автономность личности. Так, если признать, что проявление власти по отношению к другому лицу – это покушение на его автономность, то нам пришлось бы исключить множество примеров, когда власть применяется для того, чтобы убедить – или побудить действовать – во имя блага. Однако сам С. Лукс признает, что благая цель требует жертв и причиняет вред³³.

Следует отметить, что критики не отвергают «трехмерную» теорию власти, сформулированную С. Луксом, они лишь указывают на несоответствия или противоречия в его доказательствах.

Сторонники классового подхода, сформировавшегося под воздействием марксистско-ленинской философии, определяют власть как авторитет, обладающий возможностью подчинять своей воле, управлять или распоряжаться действиями других людей, как форму социальных отношений, характеризующуюся способностью влиять на характер и направление деятельности и поведения людей, социальных групп и классов посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций и насилия³⁴.

Однако взгляд на власть сторонников классового подхода несколько изменился в конце 1980-х – 1990-е годы, когда произошло крушение социалистического лагеря. Власть стали определять как тип межличностных отношений, когда одна сторона воздействует на поведение и деятельность другой при помощи определенных средств – авторитета, договора, норм и принуждения³⁵. Более полное определение приводит И.Л. Петрухин. Власть, по его словам, это целенаправленное воздействие человека, группы людей, государства на объект управления для удовлетворения своих потребностей и защиты своих интересов, осуществляемое путем принуждения или угрозы принуждения, а также и путем убеждения. Здесь слово «своих» «означает интересы не только конкретной личности, но и социального объединения, которое представляет властвующий. Принуждение, которым пользуется властвующий, может быть доведено до применения к под-

властному санкций, наказания. Укрепившаяся и почитаемая власть внешне утрачивает черты принудительности: ее боготворят, а с единичными противниками власти без труда расправляются при общем одобрении народа (так было, например, когда в 30-х гг. в СССР истребляли «врагов народа»)»³⁶.

Приведенные различия в подходах к феномену власти связаны со многими причинами. В.В. Дементьев, например, к таковым относит следующие. «Во-первых, – пишет он, – до того, как подвергнуться научному анализу, термин «власть» широко использовался в обыденной речи. Поэтому, чтобы определить содержание данного термина, необходимо опираться на значения и смысл, в которых он употребляется на уровне обыденного сознания. Но поскольку по своей природе эти значения и смысл не могли быть четкими и однозначными, то и определения власти, базирующиеся на материале обыденного сознания, всегда будут «многомерными и размытыми», а также сводиться к описанию внешних признаков явления. Во-вторых, формы проявления власти многообразны»³⁷. Поскольку, по мнению В.В. Дементьева, формы проявления власти «существенно отличаются друг от друга ...чрезвычайно сложно отыскать то общее, что их объединяет и связывает...»³⁸ Поэтому термин «власть» «не имеет какого-то одного, устоявшегося значения». В-третьих, исходя из того, что «власть не существует в чистом виде, а представляет собой аспект, сторону, свойство различных социальных, политических и экономических отношений», В.В. Дементьев сопрягает сложности в определении власти со скрытостью, замаскированностью этого явления³⁹.

Сюда следовало бы добавить и то, что мысль о власти развивалась в различных исторических условиях, которые оказывали существенное влияние на подходы авторов. Для каждого исторического периода будут соответствующие подходы к власти. Поэтому, исходя из всех представленных причин, «власть» – понятие, которое постоянно будет вызывать споры»⁴⁰; многомерная, неопределенная и размытая проблема, которая будет постоянно зависеть от наблюдателя⁴¹.

Стоит ли вообще определять понятие власти? Ведь, как полагает Т. Болл, это понятие сущностно оспариваемо, его содержание не определено и не определимо в принципе⁴². «Трудности концептуализации власти и отсутствие согласия в ее понимании и породили сомнения в необходимости такого понятия, в его научной полезности и пригодности для проведения исследований социальной практики. Некоторые авторы считают понятие власти столь неопределенным, что от него следует отказаться или, по крайней мере, всячески избегать»⁴³.

Однако следует не отказываться от исследования, а, напротив, продолжить его, поскольку построение теоретической модели или концепции, описывающей феномен власти, предполагает

поиск «минимальной гносеологической единицы в возможных определениях власти»⁴⁴. «Требуется найти общее и единое основание... во... внешних проявлениях власти»⁴⁵.

Сфера действия власти весьма широка. И.Л. Петрухин, говоря о ней, приводит пример ее проявления в животном мире и природе вообще⁴⁶. Конечно, такой подход возможен. Однако, говоря о власти, мы имеем в виду, прежде всего, человека, власть которого «распространяется на... себе подобных»⁴⁷.

Примечания

- 1 См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. М., 1991. С. 418–433; Франк С.Л. Планомерность и спонтанность в общественной жизни. (Государство и гражданское общество) // Русская философия права / Авт.-сост.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. СПб., 1999. С. 382–394.
- 2 Gerber C.F. Grundrüge eines Systems des Deutschen Staatsrechts. 2. Aufl. Leipzig, 1869. S. 3.
- 3 См.: Welcher K.T. Die letzten Gründe von Recht Staat und Strafe Ciesen. 1813. S. 25, 71; Mohl R. Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaats. Bd. 1–2. Tübingen, 1832–1833.
- 4 Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1894. С. 32; Он же. К вопросу о юридической природе власти монарха и конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 39.
- 5 Тулеев А., Сыровацкий Ю. Власть в руках человека и человек... в руках власти. Новосибирск, 1993. С. 5.
- 6 Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5. С. 36.
- 7 Цит. по: Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 6.
- 8 Фуко М. Интеллектуалы и власть // Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 74.
- 9 См.: Милонов К.К. Философия Франциска Бэкона. М., 1924; Субботник С. Френсис Бэкон. М., 1937; Мельвиль М.Н. Френсис Бэкон. М., 1961.
- 10 Rossi P., Vacone Fr. Della magia alla scienza. Bari, 1957. S. 135.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 79.
- 13 Там же. С. 293.
- 14 Цит. по: Быховский Б.Э. Психофизическое учение Т. Гоббса // Вестн. Комакадемии. 1928. № 26 (2); Ческис А.А. Томас Гоббс. М., 1929.
- 15 См.: Hobbes T. Leviathan (1651). Cambridge, 1991. В. I, Ch. 10. P. 62.
- 16 Цит. по: Зотова Л.В. Безопасность народа и государства как главная политическая ценность в учении Томаса Гоббса // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2003. № 4. С. 55.

- 17 Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 87.
- 18 Цит. по: Bendix R. Max Weber. An intellectual portrait. N. Y., 1960.
- 19 Цит. по: Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С. 15–18.
- 20 Там же. С. 18.
- 21 Цит. по: Сериков А.Е. Социология: Курс лекций. Самара, 2003. С. 43–44.
- 22 См.: Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964.
- 23 См.: Сериков А.Е. Указ. соч. С. 46.
- 24 Blau P. Op. cit. P. 117.
- 25 Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 93–94.
- 26 См.: Lukes S. Power: a Radical View. L., 1974.
- 27 См.: Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. № 2. P. 201–215.
- 28 Bachrach P., Baratz M.S. The Two Faces of Power // American Political Science Review. 1962. № 56. P. 947–952.
- 29 См. напр.: Gaventa J. Power and Powerlessness: Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley. Urbana, 1980.
- 30 См.: Lukes S. Op. cit. P. 26.
- 31 Там же.
- 32 См. напр.: Wartenberg T.E. The Forms of Power: From Domination to Transformation. Philadelphia, 1990; Morriss P. Power: a Philosophical Analysis. N. Y., 1987; Oppenheim F. Political Concept: A Reconstruction. Oxford, 1981; Gray J. Political Power, Social Theory and Essential Contestability. The Nature of Political Theory. Oxford, 1983. P. 75–102.
- 33 См.: Lukes S. Op. cit. P. 32.
- 34 Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1991. С. 67.
- 35 Плотникова О.В. Власть и формы ее проявления. Уссурийск, 1996. С. 3.
- 36 Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 94.
- 37 См.: Дементьев В.В. Указ. соч. С. 69–70.
- 38 Там же.
- 39 Там же. С. 70.
- 40 Болл Т. Указ. соч. С. 41.
- 41 Власть: Очерки современной политической философии Запада / В.В. Мшвениерадзе, И.И. Кравченко, Е.В. Осипова и др. М., 1989. С. 132.
- 42 См.: Болл Т. Указ. соч. С. 41.
- 43 См.: Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 10.
- 44 Власть: Очерки современной политической философии Запада. С. 220.
- 45 См.: Дементьев В.В. Указ. соч. С. 73.
- 46 См.: Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 94–95.
- 47 Там же. С. 95.